

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Анна
САКРУ

Дукто
НЕ СПАСЁТ

Ана Сакру

Никто не спасет

<https://litres.ru/74626123>

SelfPub; 2026

Аннотация

Глухая тайга, суровый девственный край, в котором правила диктует не закон, а такие же суровые как само это место люди. И такие же смертельно опасные.

Меня занесло сюда волею судьбы после окончания медицинской Академии.

Всего на два года, успокаивала я себя... Всего два года, и я получу и бесплатное место в желанной ординатуре, и перспективу работать в больнице, в которой мечтала.

Всего каких-то два года...

Но только с первых дней, как приехала, я начала понимать, что тайга и ее негласный хозяин не хотят меня отпускать.

И что в этой глуши меня никто не спасёт...

#Альтернативная действительность

Содержание

1. Подъезжаем	4
2. Встреча	8
3. Молча	14
4. Поговорили	20
5. Барак	25
6. Кто такой?	30
7. Утро	38
8. Первый пациент	45
9. Какая-какая?!	53
10. Как удобней обижаться	62
11. Соседка	66
12. В омут	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Ана Сакру

Никто не спасет

1. Подъезжаем

— Красавица, ты поближе тюки свои поставь, минуту всего стоим.

Проводник, дородный мужчина лет пятидесяти, с потными залысинами и в несвежей форменной рубашке, снисходительно наблюдал за тем, как я пыталась сгруппировать в единую конструкцию свои три немаленьких чемодана.

За прошедшие почти шесть дней, что я добиралась в эту точку нашей бескрайней Родины, я успела их от всей души возненавидеть. И зачем только брала с собой столько? Ведь там лес, глухая тайга. Кроме гидрокостюма от комаров размером с бегемота и валенок в минус пятьдесят больше может ничего и не понадобится... Еще и тащила это все... !

На автобус, в один поезд, потом в другой, всё с пересадками — прямых от Астрахани нет... Хотелось и вовсе бросить половину вещей, когда в последний раз чуть не опоздала к отправлению, но страшно. Ведь всю свою жизнь попыталась в три чемодана упаковать. Если на них с этой точки зрения смотреть, то не такие уж они и большие...

— Стараюсь поближе... — улыбнулась в ответ проводнику,

смахивая упавшую на лоб от усердия прядку, — Вы же мне поможете?

— Куда деваться... Помогу, — вздохнул проводник и, крикнув, почесал поясницу, намекая, что помощник из него на самом деле так себе и сильно мне не стоит рассчитывать, — Куда столько то добра? Гостинцы везешь?

— Нет, я по распределению. После Медакадемии в Шовню терапевтом, знаете такую деревню? — поинтересовалась с болезненным любопытством.

Проводник только сочувствующе хмыкнул.

— Такой не знаю. Я не местный, из Иркутска... Да и мало ли их тут раскинуто по тайге. Шовень этих в пять домов.

— Ясно, — сглотнув глухое разочарование, отвела от мужчины взгляд.

Жаль, так хотелось заранее хоть что-то услышать от живого человека. От интернета толку было мало. Я долго шерстила Сеть в поиске информации о своем новом "доме", но кажется цивилизация в принципе обходила это место стороной. Лишь пара фото, сделанных туристами - экстремалами, сплавлявшихся по какой-то речке в тех окрестностях, один скандал с черными лесорубами, мелькнувший в статьях трехлетней давности, и куцая заметка в интернет справочнике, сообщавшая, что население Шовни чуть больше тысячи человек, есть детсад, дом культуры и в четыре класса школа.

Перебирая в голове эти скудные факты, уставилась в пыльное окно тамбура. За ним несли лес стеной. Лес-лес-

лес... Бесконечный!

Он будто давил своей массой на глаза, плечи, мозг... Страшно от чего-то и думаешь какой же ты маленький.

До Уральских гор еще терпимо было — то деревенька, то станция, то хоть просто перрон. Редко, но попадались большие города, стелились поля. Часто мы проезжали мосты, дороги постоянно петляли вдоль путей, шоссейные и проселочные, иногда всего лишь едва заметные тропы, но были они! Машины по ним ездили, ходили люди, бегали собаки...

А после Урала только этот угрюмый лес. Будто несешься под мерный тук-тук колес в другую безлюдную, первобытную реальность. Как я там жить буду отведенные два года? Там хоть связь есть?! Влажной от нервозности ладонью сжала ручку чемодана.

— Значит врач? Это дело хорошее, с медициной тут сами понимаете, бабки да шаманы, — тем временем продолжал болтать проводник, — А до райцентров иногда и за сутки не доберешься. Глушь такая, что...! — выразительно махнул рукой, — И как занесло только, такую молодую- красивую? Провинилась в своей академии?

— Обещали вместо трех лет два года...А потом сразу место в бесплатную ординатуру с перспективой на областную, — рассеянно ответила, заметив первый покосившийся домик.

Заброшенный, плесневелый, с заколоченными окнами, но все ж точно человек строил — не медведь. Одно это осозна-

ние уже жаром прошло по кровотоку.

Подъезжаем?

2. Встреча

Раздался характерный металлический скрип и поезд, тяжело вздохнув, тронулся с места. Натужно начал набирать скорость, оставляя меня одну на щербатом перроне. Только и успела помахать в окно проводнику, как стук колес уже был все тише, а я смотрела на последний вагон, превращающийся в черную точку.

И все. Вокруг ни души.

Здание вокзала — обшарпанная одноэтажная постройка советских времен с заколоченной дверью и окнами.

Перед вокзалом на небольшом пяточке, покрытом сорняками, пробивающимися сквозь щели разрушенной тротуарной плитки, Ленин на постаменте... Правда, не весь. Рука вождя, показывающая путь в светлое будущее, то ли сама отвалилась со временем, то ли люди ее отбили, решив, что показывает он этот самый путь неправильно.

За Лениным ухабистая дорога, не знавшая асфальта, ведущая в лес. И сосны стеной. Слышно было, как поют птицы и стрекочут насекомые, ожившие к вечеру. Почти закатившееся солнце раскрасило небо в желтый и багряный цвет будто на западе пожар.

Озираясь, я машинально пару раз отмахнулась от надоедливых, жирных комаров. На автомате сжала ручку чемодана. Так... И что теперь?

Меня должен был встретить глава поселения, где-то записан его телефон...

Поставив рюкзак на чемодан, стала рыться в нем в поисках телефона. Но, когда нашла, поняла, что смысла в этом не было никакого, так как сеть здесь не ловила. Сглотнув, задержала взгляд на часах и убрала телефон обратно в рюкзак.

Главное что? Не паниковать...

Глава приедет — никуда не денется. Он мне сам позвонил и обещал перед началом моего путешествия. Подожду, не страшно. Ну что со мной в конце концов может случиться? Не съедят же?!

Стоило об этом подумать, как вдалеке, за сплошной стеной сосен кто-то протяжно завыл.

Я вздрогнула всем телом, чуть не уронив рюкзак на перрон, из горла вырвался сдавленный писк.

Мама...!

Вмиг похолодевшими влажными пальцами крепче сжала свои сумки и поплелась с ними к лестнице, ведущей с перрона. Не то, чтобы в этом был какой-то смысл, но просто стоять на месте вспыхнувший под пупком зудящий страх уже не позволял. Тихая внутренняя истерика начала накатывать волнами, вызывая испарину.

Так быстро вечерело... На глазах!

Вот пара минут всего прошла, а лес уже казался не зеленым, а черным...Сверчки запели громче словно нагнетая. Озверели, чуя добычу, комары.

Спустившись к Ленину, огляделась вокруг еще раз, но никакой деревни перед глазами так и не появилось, как и другой человеческой души. Из защитников лишь однорукий облупленный вождь народов. Приставила к нему чемодан поближе и села на одну из сумок. Чтобы смотреть хоть куда-то кроме леса, я снова достала телефон и молча уставилась на бесконечно медленно меняющиеся цифры минут...

А если не приедет..? Что делать?!

У меня даже воды с собой нет. Хотя вряд ли я продержусь три дня, чтобы иметь шанс умереть от жажды...

Спичек, фонарика, ружья... Нет ничего для экстремальной ситуации, кроме, разве что, намертво свернутого приличного пуховика на самом дне чемодана.

Солнце догорало закатом, оставляя тающую бордовую как кровь полоску, цепляющуюся за черные маковки сосен. Заметно посвежело, хотя днем была такая духота. У меня застучали зубы и хотелось убедить себя, что это только от подкрадывающегося ночного холода. Достала из сумки толстовку и, накинув капюшон на самые глаза, продолжила гипнотизировать экран телефона. Прошло уже полчаса...

Где-то вдалеке снова призывно завывали. Вдалеке, но по ощущениям ближе, чем было раньше...

"Интересно, за съеденных в лесу молодых специалистов глав поселений лишают премии?" — закрутились истерически веселые вопросы в голове.

И одновременно с нахлынувшим весельем в носу заще-

котало подступившими слезами. Я всхлипнула, озираясь по сторонам. Боже, помоги...! Или ты в такие места и не заглядываешь?!

Снова вой. Настойчивый!

Взметнулись вороны с сосен. Закаркали, кружа над головой, и полетели к багровой полосе заката, уже совсем тонкой. Я непроизвольно вскочила следом за птицами, будто могла с ними улететь.

От прилива адреналина гулко зашумело в ушах — так сильно, что приближающийся звук мотора расслышала лишь когда он стал рычать совсем громко.

Боже, спасибо...! Сегодня не съедят.

Две соленые слезинки все-таки скатились по щекам, но это от облегчения. Я засуежилась, приводя в порядок свои сумки — словно, если не успею их закинуть в машину в первую же минуту, то глава поселения, кажется, Иван Ильич, меня и не заберет.

Когда на дороге показался огромный черный внедорожник, я уже была на низком старте у обочины. С трудом подавила в себе желание рвануть навстречу приближающемуся автомобилю, таща по колдобинам несчастные чемоданы.

Джип, рыкнув двигателем, лихо остановился в опасной близости от меня.

Резко хлопнула водительская дверь, и из машины выпрыгнул молодой мужчина.

Армейские штаны с боковыми карманами, высокие бо-

тинки, синий свитер, обтягивающий широкие плечи и развитую грудную клетку, и тяжелый взгляд исподлобья абсолютно черных глаз.

Я в нерешительности замерла, потому что это точно был не Иван Ильич.

Мне говорили, что главе давно пора на пенсию, а этот мужчина явно не тянул на пенсионера. Лет тридцать, крепкий, высокий, смуглый, черноволосый, с отросшей щетиной, которая вот-вот перерастет в бороду. Больше на спецназовца похож в своих штанах и ботинках.

Или на охотника. Или на бандита...

Еще и взгляд...волчий. Совсем как у хищника, который вновь завыл в лесу уже будто в паре метров от нас. Я инстинктивно сжалась, а этот мужчина... даже не дёрнулся. Только сделал ко мне уверенный шаг.

Страх липкой удушающей волной снова прокатился по телу раньше, чем мозг успел накидать хоть пару логичных объяснений.

— Ульяна? — вопросительно выгнул бровь мужик, шагнув еще раз и мигом оказавшись на слишком близком по моим меркам расстоянии.

— Д-да-а...— выдохнула, кивая и одновременно задирая голову, чтобы смотреть незнакомцу в глаза.

Мозг усиленно работал...Знает мое имя, значит просто попросили меня забрать? Ну, конечно...!

От облегчения даже плечи разом опустились. И захоте-

лось растечься кляксой по пыльной дороге. Что я успела себе напридумывать?! Маньякам и всяким другим извращенцам здесь точно делать нечего. Состаришься раньше, чем набредешь на жертву.

— Садись, — мужчина коротко мотнул головой в сторону передней пассажирской двери, а сам уже тянулся за моими чемоданами.

— Я думала, меня Иван Ильич встретит.

Я все-таки замялась, не сразу отпуская ручку своего драгоценного чемодана.

— Не смог, — скупое бросил незнакомец, достаточно бесцеремонно отбирая мои вещи.

Отдала, растерявшись. Он так говорил со мной, будто у него каждое слово — платное. Еще и тоном, что уже задолжала. Да и голос такой... Низкий, хрипловатый, чуть рокочуший и жутко недружелюбный.

Закусила губу, наблюдая, как мужчина закидывает в багажник мои чемоданы.

— А почему не смог?

— Колесо свернул, — незнакомец хлопнул багажником и вспорол меня донельзя раздраженным взглядом, — Садись уже. Чем меньше по темноте прокатим, тем больше вероятности, что с нами не случится тоже самое.

3. Молча

Рюкзак, в котором было все самое ценное, я незнакомцу не отдала. Поставила его себе на колени и вцепилась как в щит, когда с трудом залезла в высокий внедорожник и устроилась на переднем пассажирском сидении.

Быстро обвела глазами салон, пока хозяин автомобиля что-то высматривал под днищем своей машины. Внутри было не то, чтобы пыльно или сильно грязно, но царил какой-то бардак. Куртка валялась сзади, кинутая на небольшой ящик с инструментами. В нише у коробки передач под приборной панелью — блокнот, ключи, жвачка, швейцарский нож, пачка сигарет, монеты и куча другой мелочи. За рычагом передач между передними сидениями бутылка воды и топорик...

На зеркале на лобовом — вместе с аромасаше непонятный амулет, навевающий мысли о язычестве. Само лобовое с длинной трещиной. Сидения кожаные, потертые. Негромко играла "Агата Кристи". Пахло сигаретами, костром и чем-то навязчивым, тягуче древесным. Знакомый такой, теплый аромат... Откуда-то из раннего детства.

Я нахмурилась, ловя тающую ассоциацию за хвост, и вдруг вспомнила. Пару раз нам тетя из Хабаровска присылала кедровые шишки. Получив, мы целый вечер всей семьей сидели и ковыряли из них орешки. А руки потом еще несколько дней пахли вот точно так же — сладковато-едкой

хвойной смолой. Это было такое хорошее воспоминание, что психика непроизвольно хоть чуть-чуть расслабилась, и я откинулась на спинку сидения, хотя до этого из-за напряжения сидела так ровно, будто мне в позвоночник всадили кол.

Незнакомец, после того, как осмотрел днище машины, рывком открыл водительскую дверь и легко запрыгнул в салон. Мазнул по мне нечитаемым взглядом, прежде чем тронуться. Непроизвольно сжала рюкзак, лежащий на коленях, сильнее.

— Все хорошо? — поинтересовалась я, имея ввиду днище машины, которое он только что так внимательно разглядывал.

Мужчина не ответил. Может он кивнул, но слишком коротко, так что толком и не было понятно. Может быть отвлекся на то, что как раз сейчас резво разворачивался на заросшей площадке около постаменту Ленину. А может просто был невежливый хам...

Тихонько вздохнув, я отвернулась к окну, но смотреть там было совершенно не на что — бесконечные сосны в стремительно темнеющем лесу. Еще и трясло на кочках так, что, держа голову боком, начинало подташнивать. Потому я почти сразу снова села прямо и слепо уставилась вперед на пятляющую как толстая змея, раздолбанную проселочную дорогу.

Мой водитель молчал и тоже, чуть прищурившись, смотрел только перед собой. Убедительно так молчал, будто во-

обще не замечал, что в салоне он не один. Эта немая тишина между нами воспринималась мной чем-то тяжелым, давящими и настолько неловким, что язык присыхал к небу. Но это же глупо?

Нам же наверно далеко ехать...И все время вот так? А ведь у меня столько вопросов!

Сглотнув, чтобы прочистить горло, я покосилась на мужика. Мозг выхватил детали его внешности отдельными яркими мазками — чуть крупный, с небольшой горбинкой нос, плотно сжатые губы, упрямая линия подбородка, ровно растущая щетина, тонкая белая полоска старого шрама у уха, загорелая кожа, угольно черные глаза, поблескивающие из-под густых прямых бровей. С виду суровый такой...! Но разве это повод молчать следующие несколько километров?

Шумно втянула воздух носом, чтобы набраться решимости, прежде чем пойти на контакт.

— А вы кто? — голос немного не слушался и вопрос прозвучал резко, будто с претензией, отчего мои щеки смущенно потеплели.

Но мужчина вряд ли это заметил, потому что так и не повернул ко мне головы и продолжил молчать.

Я бы подумала, что он и вовсе меня не услышал, если бы он сильнее не сощурился.

— Артур, — бросил наконец после выразительной паузы.

— Это такая должность? — неуклюже попыталась пошутить.

Наверно вышло, потому что он слегка криво улыбнулся, обозначая глубокую ямочку на заросшей щеке.

— Практически, — хрипло хмыкнул.

Я ожидала, что он скажет хоть что-то еще, но Артур вместо продолжения разговора взял пачку сигарет, валяющуюся у коробки передач, выбил из нее одну папиросу, прикурил и, открыв окно со своей стороны, с наслаждением выпустил сизую вонючую струю дыма, отвернув от меня голову. Правда, это мало помогло — в носу и горле тут же неприятно запершило.

Показательно кашлянула, внутренне закипая. Понятно, что машина его, но разве о таких вещах хоть из вежливости не спрашивают?

Хотела уже вслух это сказать, но, подумав, прикусила язык и лишь нахмурилась.

В конце концов, если он меня сейчас высадит посреди леса, я явно умру раньше, чем меня доконает рак легких.

Так что да, я решила промолчать.

Но ничего мне не мешало начать осуждающе смотреть, мысленно усиленно транслируя в голову этого таежного чурбана лекцию о вреде активного и пассивного курения.

И наверно я молча орала на него слишком громко, потому что, сделав очередную затяжку, Артур потянулся к приборной панели и прибавил звук музыки почти до максимума.

Колонки тут же задребезжали. Басы забухали в грудной клетке. Я страдальчески прикрыла глаза, растирая пальцами

мгновенно занявший лоб.

Еще и песня играла... Подходящая.

Черные сказки белой зимы

На ночь поют нам большие деревья

Черные сказки про розовый снег

Розовый снег, даже во сне

А ночью по лесу идет Сатана

И собирает свежие души

Новую кровь получила зима

И тебя она получит

И тебя она получит (Агата Кристи, “Сказочная тайга”)

За окнами как раз уже почти полностью стемнело...По спине невольно потянуло липкий холодком, напомнив о том, как страшно было сидеть на чемоданах у Ленина. И наверно что-то такое пробежало по моему лицу, потому что Артур впервые за всю поездку повернул ко мне голову. Черные глаза словно тронули кожу микроожогом.

— Переключить? — выгнул бровь.

Вид совершенно серьёзный, голос почти участливый, и только в глубине зрачков плясало что-то неуловимое. Будто он за мой счет развлекается.

Во мне в ответ взвилось глухое раздражение. Поджала губы, уставившись на пятно дороги, выхваченное дальним светом фар.

— Нет, сколько нам еще ехать?

— Где-то час.

Отлично, час можно спокойно и молча посидеть.

А Артур все-таки переключил... Вот только лучше не стало, ведь из колонок заорал “Лесник” “Короля и Шута”.

4. Поговорили

В какой -то момент внедорожник поехал совсем медленно в попытке преодолеть ухабы на разбитой дороге. Вокруг уже тьма стояла — хоть глаз выколи. Не видно ни черта кроме круглого большого пятна света от фар перед капотом. Этот желтый, бьющий по глазам свет выхватывал огромные валуны, которые надо было как-то объезжать, чтобы не пропороть днище, делал воду в широких лужах черной словно там мазут и пугающе подсвечивал глубокие, будто трактором оставленные борозды.

Артур сжал челюсти и вцепился в руль, не мигая смотря перед собой. Его движения стали микроскопически точными, с плотно сомкнутых губ то и дело срывались тихие ругательства, когда колеса вязли, проворачиваясь. И я... Я опять начала сваливаться в липкий ужас. Обещание себе молчать с гордым видом всю оставшуюся дорогу мгновенно было позабыто от перспективы застрять в ночи посреди тайги с этим человеком.

— Скоро уже? — жалобно пропищала.

— Подъезжаем, — буркнул Артур, не отводя глаз от дороги.

Машина взвизгнула прокрутившимися колесами, рывок, встала на дыбы, задирая нос капота, и стремительно ушла вниз, рухнув в лужу, по которой чуть ли не поплыла. Мое

сердце проделало в груди точно такие же болезненные кульбиты. На автомате перекрестилась.

— Что ж у вас дороги такие плохие?! — шмыгнула я носом.

— Неделью были дожди, — рассеянно отозвался мой водитель.

— А-а-а... Осторожно! — не сдержавшись, громко пискнула, увидев торчащий из лужи острый высокий камень. И меня понесло, уже не остановиться было, — Нет, вот сюда...! Божечки... Вот тут аккуратней...Так-так-так...Та-а-ак... Вот....Ой, мама, сосна..!

— Помолчи ты уже, а?! — вдруг рявкнул на меня Артур, зло зыркнув из-под черных бровей, — Раскудахталась под руку, — ворчливо.

Поймала его взбешенный взгляд и обиженно поджала губы. Да, я может и перегнула, но можно было это повежливей сказать?

Кто он такой вообще, чтобы грубить мне?! Демонстративно отвернулась, сложив руки на груди. Теперь уж точно буду молчать, даже если все колеса разом отвалятся!

Артур на это шумно страдальчески выдохнул, мол навязали тут цацу, и продолжил медленно пробираться дальше по дороге.

Из колонок заиграли бессмертные "Чистые пруды", импонируя моему мрачному настроению и уже наседающей тоске по дому, хотя я еще даже не успела приехать.

Внедорожник вновь нырнул в какую-то лужу, больше похожую на озеро, и с ревом выбрался из нее, высоко задирая нос. Талькова сменил Цой, просящий закрыть за ним дверь, потому что он уходит...

— Все, дальше нормально, — через пару минут снисходительно сообщил мне Артур, видимо решив пойти на примирение.

Я неопределенно повела плечами в ответ, не посмотрев на него.

Сам же хотел, чтобы я замолчала.

Боковым зрением заметила его кривую понимающую улыбку. Между нами снова повисла тишина, разбавляемая лишь музыкой и рычанием мотора. Дорога постепенно и правда сделалась ровнее, машину уже не кидало из стороны в сторону и можно было немного расслабиться. После "Кино" заиграл "Наутилус"...

— Ульяна, сколько вам лет? — вдруг поинтересовался Артур, мазнув по мне изучающим взглядом, который ощутимо задержался сначала на моей скуле, а потом резко переключился на колени, обтянутые джинсовой тканью.

Непроизвольно заерзала на сидении, перемещая рюкзак так, чтобы он полностью скрыл бедра. Хотелось вопрос проигнорировать, но это было бы слишком демонстративно и невежливо.

— Двадцать пять.

— И только закончили? — мужчина вопросительно вы-

гнул бровь, снова покосившись на меня.

— Да, я не сразу поступила в универ, сначала в колледж, потом уже...

— Ясно, — кивнул Артур.

И в еще одном брошенном взгляде мелькнуло что-то... Личное и липкое. Такое, что я напряглась раньше, чем услышала от него следующий вопрос.

— Муж? Жених?

Уставилась на своего водителя. Щеки немного запекло от всколыхнувшейся внутри теплой волны. Это ведь просто праздный вопрос... Но почему-то он ощущался как грубое нарушение моих личных границ.

— Нет. Это имеет значение? — холодно поинтересовалась в ответ.

— Если только для вас, — хмыкнул на это Артур, криво улыбнувшись и переводя взгляд на дорогу.

— Что это значит?

Мужчина лишь неопределенно повел плечами точно так же, как я всего пару минут назад. Ответа я так и не дождалась.

— Здесь все так общаются? — едко поинтересовалась после повисшей паузы.

— Как? — не глядя на меня.

— Не отвечают на вопросы.

— А какой именно был вопрос? — поднял брови, собирая лоб в складку.

Он будто издевался! Шумно выдохнула, раздувая крылья носа.

— Вопрос был про то, что значит, что, есть ли у меня жених, важно только для меня, — разжевала как туповатому ребенку.

— А вы сами, Ульяна, не догадываетесь? — тут же вернул Артур мне мой снисходительный тон.

— Нет, просветите.

— Хорошо, — выбил пальцами дробь по оплетке руля, — Здесь, Ульяна, много вахтовиков и просто людей, зарабатывающих деньги, но не живущих постоянно. Приезжих. Лесорубы, геологи, охотники... Все, естественно, мужики. Местных мало, молодежи среди них и того меньше, женщин до тридцати вообще... — сделал жест рукой, будто пальцы пересчитывает, и скосил на меня сверкнувший взгляд, — Мне продолжать?

Я отрицательно мотнула головой, отворачиваясь. Лицо за время его короткого экскурса в местные реалии успело запылать. Неловко так стало почему-то... И непонятно, что на это отвечать. Хорошо, что и не пришлось, так как Артур с облегченным выдохом бросил.

— Приехали.

5. Барак

Я резко села прямо и вытянула шею, вглядываясь в непроглядную черноту за лобовым.

Э-э-э... Куда приехали то?! Под его знакомую сосну?! Смешная шутка.

Хотела было уже высказать свое мнение по этому поводу Артуру, но машина вильнула по дороге влево и впереди тут же замелькали редкие огоньки.словно поле ленивых светлячков, притаившихся посреди непролазного ночного леса.

В груди тревожно, накатами забилося как бывает, когда ты сталкиваешься с чем-то совершенно новым, неизведанным. С тем, что точно навсегда изменит твою жизнь. Ты еще не знаешь, плохие будут эти изменения или хорошие, только понимаешь, что как раньше уже никогда не будет. Новый этап, который хочется достойно пройти.

В темноте сложно было судить, но кажется деревня была достаточно большая. Окна тлели жёлтым цветом, показывая, что за ними есть жизнь, даже горели редкие уличные фонари. Дома сплошь деревянные, заборы через раз. В ближайших окраинных дворах завывали собаки, учуяв приближающуюся машину.

— Мне говорили, тут даже есть дворец культуры, — пробормотала я, озираясь на эту глушь.

— Ну дворец - сильно сказано, — хмыкнул на это Артур,

беря телефон, валявшийся все это время у коробки передач.

Набрав кого-то, приложил трубку к уху, а я замерла, услышав характерные гудки. Как райская музыка! Здесь что? Ловит?!

Бросилась проверять свой, но у меня мобильной связи так и не было.

— А какой у вас оператор? — обратилась к Артуру.

Но он не ответил, слушая гудки в динамике. Только пальцем шикнул на меня, чтобы помолчала, и вернул свободную от телефона руку на руль.

— Иван Ильич, приветствую, — бодро забасил в трубку мой водитель, — Забрал я вашу медичку...Да, в Шовне уже... По нижнему берегу катим...Да... Она? — Артур мазнул по мне оценочным взглядом, пальцы крепче сжали руль, —.... Нормально. Сами спросите, — усмехнулся с непонятной мне интонацией, — Куда ее? Это что ли к Кочергиным? Не бойтесь, что сопьется молодой специалист? — снова снисходительный смешок и быстрый, скользящий по мне взгляд, — Ладно, понял... Вы там встретите?...Хорошо...Будем через десять минут.

Сбросил вызов, делая вид, что не замечает, как я в упор на него уставилась.

— Почему я должна спиться? — поинтересовалась.

— Да соседи ваши алкаши, но тихие.

— Соседи?

— Там на два хозяина барак.

Барак...?! Я моргнула раз, ещё раз... И, с трудом сглотнув, слепо уставилась перед собой.

Я, если честно, даже понятия не имела, что это вообще такое... Барак! Вернее, знала конечно, что убогое жильё, но лично никогда не сталкивалась. А теперь вот... Столкнись? Ещё и с алкашами...

Я все это время пыталась беречь свою психику и особо не задумываться во что же именно я ввязываюсь. Пока добиралась в эту глушь через всю нашу бескрайнюю родину, это было не так уж и сложно сделать, но сейчас...! Внутри противно завибрировало подступающей тихой истерикой, которую надо было срочно подавить. Вариант разреветься прямо в машине этого мужика точно не самый лучший. Но вдруг так хотелось...!

Выдох-вдох.. Ты уже взрослая женщина, Ульяна! Специалист, врач в конце концов... Подумаешь... Барак с алкашами за стеной в тайге, кишащей волками и озверевшими без женщин лесорубами... Пф-ф! Бывает и хуже... Ведь бывает же, да?

— Если у вас здесь не ловит, оператора смените на... — тем временем вдруг дал совет Артур, вырывая меня из панического круговорота мыслей, — Он в Шовне почти везде берет. В тайге понятно, что нет, конечно... Там только спутниковый, но для вас это дорогое удовольствие. Да и к чему.

— А у вас спутниковый есть? — отреагировала, цепляясь за возможность переключиться на разговор.

— У меня есть, — рассеянно отозвался Артур и выкрутил руль, чтобы припарковаться у длинного как колхозный хлев одноэтажного деревянного дома.

Доски его давно почернели, современные белые стеклопакеты смотрелись как по-бутафорски приклеенные, крыша щедро заросла мхом, два покосившихся, неказистых крыльца по оба конца. Пара окон горели с левой стороны, с правой — чернота, зияющая пугающими проемами. Во дворе царил беспорядок как на свалке — нескошенная трава плешивыми клочками, брошенные инструменты, сваленные кое-как доски, пара хлипких, косых хозпостроек...

В горле пересохло. Я сильнее схватила за рюкзак на коленях — до побелевших костяшек.

Я. Не. Хочу. Туда!

Да, я сама была из деревни, но родительский кирпичный добротный дом под Астраханью с газом и центральным водоснабжением казался мне теперь дворцом по сравнению с этой хибарой.

— Выходим,— бросил мне Артур, легко выпрыгивая из салона и не оставляя ни единого шанса хоть как-то отсрочить неизбежное.

С правого крыльца поднялся какой-то дед и, прихрамывая, направился к нам, держа ладонь на пояснице. Я так и сидела внутри машины, наблюдая за его приближением. Артур уже успел достать мои чемоданы и, играючи подхватив их все разом одной рукой, протянул свободную ладонь старику.

— Все, Иван Ильич, принимайте работницу, — Артур мотнул в мою сторону головой, крепко пожимая деду руку, — А мне на базу пора.

6. Кто такой?

С тянущей тоской проводила взглядом стремительно удаляющийся внедорожник. Не то, чтобы мне так понравилось общество его хозяина, но он был словно последней ниточкой между мной и моей прошлой, вполне комфортной и главное понятной и изведанной жизнью.

Наверно с таким же чувством смотрели вслед лодке Харона переплывшие реку Стикс. Поворачивать голову в сторону своего нового дома не хотелось, но пришлось...

— Ульяна Максимовна, рад, очень рад, — подошел ко мне глава поселения, — Как добрались? Вы извините, что не встретил, — его сухое, обветренное лицо расплылось в виноватой улыбке, — Я поехал было, но дорогу так размыло, а я старый уже стал. Не заметил камень, колесо свернул к чертовой бабушке, — причмокнув, досадливо махнул рукой, — Хорошо вот хоть до Шахова дозвонился. Он и ребят послал меня вытащить, и за вами погнал. Да-а-а... У нас, знаете, без взаимовыручки тут никак. Вымрешь, — развел руками Иван Ильич. А потом, спохватившись, взялся за ручку моего самого большого чемодана и потащил к дому, — Что ж мы стоим. Пойдемте, я вам дом покажу. Устали поди. Ой, я ж не представился, — и протянул мне широкую, мозолистую ладонь, — Иван Ильич Яковлев, местный глава. Если что, вы сразу ко мне, не стесняйтесь. Все организую, всем помогу.

— Спасибо, Иван Ильич. И можно просто Ульяна, — я, улыбнувшись, пожала протянутую руку. Сухую и шершавую как древесная кора.

В тусклом свете соседских окон лицо главы было испещрено тенями, углубляя борозды старческих морщин. Хорошее такое лицо — открытое, приятное, доверительное. Сам глава был невысокий, но коренастый и крепкий, как пень, который так просто и не выкорчуете. Пахло от него табаком и старой застиранной одеждой. Седой как лунь, с крупным носом картошкой, в клетчатой фланелевой рубаше, трико с лампасами и резиновых сапогах. Дед с завалинки, а не глава, но очень уж располагающий.

— Ой, не надо, я сама. Смотрю, у вас поясница болит, да? — попыталась забрать у него чемодан, едва поспевая за его шаркающими, но на удивление расторопными шагами.

— Ишь какая внимательная, сразу видно, что врач, — хмыкнул Иван Ильич и чемодан не отдал, — Да вы не переживайте, Ульяна Максимовна, отошла уже. Завтра бегать буду. Мне Мироновна уж третий день компрессы делает, полегчало давно. Дрова принимал - сорвал, но отошел, ерунда.

— Мироновна это ваша жена? — поинтересовалась я, ступая вместе с ним на скрипучее крыльцо.

— Нет, жена моя, Мария Ивановна, померла шесть лет назад, царствие ей небесное. А Мироновна Агафья знахарка наша местная. Познакомьтесь еще, она у нас фельдшером. Помогать будет, расскажет как и что... Проходите - прини-

майте хоромы, — толкнул простую железную дверь.

Я хотела было еще что-нибудь спросить про фельдшера и по совместительству знахарку, что само по себе уже было удивительно, но щелкнул выключатель, заливая помещение электрическим светом, и пока стало не до того.

Преодолевая внутреннее настороженное сопротивление, ступила внутрь. Оглядела предбанник — маленькую комнатку, обшитую некрашеными досками, в которой не было ничего, кроме нескольких прибитых крюков- вешалок и простого инвентаря в углу: пара ведер, тазики, лопата, веник, швабра.

Распахнула следующую дверь, снова рядом щелкнул выключатель заботами Ивана Ильича, и я прошла в просторную комнату... Встала посередине, озираясь.

Та же обшивка досками, на полу — линолеум, круглый стол у окна, к нему четыре стула с высокими спинками, диванчик, комод с ещё ламповым телевизором, и где только достали этот раритет, печь... Мамочки... Настоящая русская печь. Как с ней управляться?! Я оторопела...

— Вот здесь кухонька, Ульяна Максимовна, — Иван Ильич тем временем свернул в проём без двери по правую руку от печки, — Мы вам посуду вроде всю необходимую принесли сюда. Если что забыли, вы говорите. Вообще у нас все магазины есть. И продуктовый, и хозяйственный. Там, если чего в наличии не найдете, вы не пугайтесь. Все можно заказать. Привезут. Девчонкам маякните и все.

— Как "Озон", — слабо пошутила я, продолжая разглядывать неприрученного монстра -печку.

Хорошо, что лето и пока не надо топить... А как придет зима...? Внутренне содрогнулась. М-да...

— У нас тут свой "Озон", да. В тетрадке под прилавком, — хмыкнул довольно на мое замечание Иван Ильич, — Здесь вот ванная.

Это он уже свернул еще куда-то из кухни. Пошла за ним. Мазнула взглядом по отдельно стоящей плите, рядом большой газовый баллон, холодильник. Простенький кухонный гарнитур. Но хоть все новое, чистое... Прошла в ещё один проем, отгороженный лишь занавеской. И что у них за нелюбовь тут такая к межкомнатным дверям! Оказалась в ванной.

Рукомойник как дачный, под ним ведро... Чугунная большая ванна и рядом огромный металлический бойлер до самого потолка. С краником.

— Вот! — похлопал по нему Иван Ильич, — Топится тоже на дровах. Все удобней, чем ведра нагревать, — гордо.

Сглотнула, думая, что хоть и не нагретые, но эти ведра, чтобы помыться, придется натаскать... Спина грустно заныла заранее...

— А туалет? — просипела, не совладав с голосом.

— А туалет - на улице, — тут же, помрачнев, скорбно вздохнул Иван Ильич и почесал затылок, — Вообще есть такие домашние, вы в хозтоварах спросите и приобретете, тут вот можно поставить, — кивнул на пустой угол в ванной ком-

нате, — Все лучше, чем бегать туда-сюда, а зимой так еще и поди сначала раскопай, — смущенно хрипло засмеялся.

— Спасибо за совет, Иван Ильич, я подумаю, — убито пробормотала я, попытавшись улыбнуться.

— У вас тут еще спаленка, — попытался меня подбодрить глава.

— Класс, — безжизненно отозвалась я.

Замолчали. Иван Ильич встал, уперев руки в широкие бока, я же обняла себя за плечи. Как-то неловко...

— Ну, я пойду, отдыхайте. Завтра утром заеду за вами часикам к девяти и в медпункт наш отвезу, там уже..., — начал было глава, но мне вдруг страшно не захотелось его так быстро отпускать.

Еще и одной тут оставаться! В совершенно непонятном чужом месте!

— Может чаю? — перебила его, предлагая задержаться, хотя непонятно было с чего я вообще взяла, что есть у меня этот чай.

— А, давайте, — сразу заулыбался глава. Видимо тоже был совсем не прочь продолжить общение.

Сам прошел на кухню. Накачал помпой воды из большой, принесенной может и им самим бутылки, стоявшей на полу. Поставил эмалированный чайник на плиту, захлопал дверцами кухонных шкафов.

— Вам тут Агафья Мироновна на первое время все необходимое собрала, чтобы с дороги сразу в магазин не бежали,

а то и не работает так поздно магазин то, — пояснил свои действия глава, — Вот тут чай обычный черный, тут травки всякие, она сама собирает, пряники есть...

— Ой, как хорошо, спасибо ей огромное, — отозвалась я.

— Ну это сами завтра скажете, — подмигнул Иван Ильич, подавая мне кружки и пакет с пряниками.

Отнесла все на стол в большой комнате. Как чайник засветел, разлили кипяток по чашкам, кинули пакетики и присели напротив друг друга.

— Вижу, Ульяна Максимовна, что много о чем спросить хотите. Спрашивайте, — сразу снисходительно предложил Иван Ильич.

Я прикусила губу, раздумывая, что из всего, что сейчас роилось в моей голове, самое важное. Про работу? Да завтра все своими глазами увижу — что уж тут... Про соседей? И.. Что еще?

— А вот подвозил меня мужчина. Он кто? — слетело в итоге с губ само собой.

Глава, улыбнувшись, прищурился, и мои щёки смущенно потеплели.

— Понравился наш Шахов? — доверительно поинтересовался Иван Ильич.

— Ну что вы сразу?! Интересно просто... — буркнула я, — И подумала, что может тоже с вами работает в администрации.

— Артур Адамович то? Не-е-ет, — засмеялся на это пред-

положение Иван Ильич, — Какие у нас деньги? В администрации то нашей! Гроши! Разве что курей прокормить. Вся администрация — я да помощница моя Елизавета Петровна, а Шахов, он лесозаготовками тут заведует. Лес наш валят и сплавляют по Дикой. Монополия у его начальников по нашему краю, полтайги разрешениями обложили, разбойники... — Иван Ильич почему-то нахмурился и как-то очень сурово кинул пакетик чая на блюдце.

— А вы против? — уточнила я.

— Не бери в голову, дорогая Ульяна Максимовна, — улыбнулся на это глава одними губами, — Сам то Артур Адамович человек неплохой. Хороший даже человек. Надежный. И тоже подневольный. Ему сказали, он и делает. А кто там сверху что решает, не нашего ума дело.

— Ясно, — пробормотала я, хотя ничего мне, кроме того, что это все меня не касается, ясно не было. Но хотелось еще хоть что-то узнать про своего водителя, хоть я и не знала и что именно, и как спросить, и главное — зачем.

— А база, на которую он поехал? Это лесорубов база?

— Э, нет, у лесорубов стоянка, — покачал головой Иван Ильич, потянувшись за пряником, — База - это у нас тут геологоразведка работает. У Шахова приятель там, сослуживцы бывшие они. А до этого... — и тут Иван Ильич взглянул на меня исподлобья и резко замолчал будто язык прикусил. Вместо слов шумно хлебнул чай.

— Геологоразведка? И что ищут?

Яковлев ответил не сразу. Прищурился и медленно пожевал пряник, прежде чем сказать.

— Да мало ли в тайге сокровищ. Рано или поздно найдут что-нибудь.

7. Утро

Иван Ильич ушел где-то через полчаса.

Проводила его до самой хлипкой калитки, в которой и не было особого толку — половина забора оказалась завалена до самой земли, а ворота настежь распахнуты. В неухоженном дворе за время, пока мы чаевничали, успела появиться старенькая грузовая газель, покрытая рыжиками как лесная поляна грибами после дождя.

— О, Петька вернулся, — заметил Иван Ильич, кинув взгляд на машину, — Вы, Ульяна Максимовна, за соседей особо не переживайте. Пьют, да, есть такое. Но у нас тут это бич распространенный, — устало и будто чуть виновато вздохнул, — А так они ничего... Петр - механик, работает на лесозаготовке и чинит, все что с мотором, чуть ли не всей округе. Если что, и помощи можно попросить. Рукастый, даром что за домом не следит, — осуждающе покосился на поваленный забор, — А с другой стороны когда ему. Все время, считай, в тайге. А Дарья, жена его, та с детьми. Четверо у них, ждут пятого. Дети тихие, все сами с собой. В школу загоняем из-под палки. Сама она... — глава снова замаялся, — Не особо следит то...

— А что ж опека? Не интересуется? — нахмурилась я.

— Какая опека? — махнул рукой Иван Ильич, — Живые же... Ну я, Ульяночка Максимовна, пойду, отдохайте. Завтра

утром приеду. Познакомлю вас с рабочим местом.

Улыбнувшись на прощание, ушел. Я обняла себя руками, провожая Яковлева взглядом. С досадой смахнула комара, севшего прямо на нос, и огляделась по сторонам.

Так...

А вот этот покосившийся деревянный ящик, смахивающий на поставленный вертикально гроб, наверно уборная... Что ж... Пора знакомиться с местными достопримечательностями. Вздохнув, побрела к туалету, усердно напоминая себе, что все это временно.

Уборная оправдала все мои ожидания! Запах, жирные жужжащие мухи, деревянный постамент с дыркой и висящая на гвоздике потрепанная жизнью и соседскими попами мягкая сидуха. Глаза заслезились то ли от вони, то ли от жалости к себе, но я решила не разбираться в причине, чтобы не усугублять и без того унылое настроение. Обложила сидуху бумагой, подумав, что надо приобрести все свое для таких случаев. Тяжко вздохнув, воспользовалась “удобствами” и, натянув джинсы обратно, толкнула громко скрипнувшую дверь.

А затем заорала еще громче этого несчастного скрипа, так как зарядила дверным косяком прямо в лоб какому-то мужику!

— Еб.. Шкин кот! — протянул дядька, хватаясь за глаз и болезненно мыча.

Пошатываясь, отступил от меня на два шага.

— Простите! Я случайно.. Я...— залепетала, переводя дух.

Сердце колошматило где-то в горле. Боже, как испугал! В тусклом свете, льющемся из домовых окон, мужик выглядел настоящим чертом из Гоголевской Диканьки. Сухонький, низенький, волосы из-под кепки торчали клочками, лицо впалое, щетина седая, крупный раздувшийся нос и очень морщинистый лоб. Дядька смачно сплюнул на землю, потрянул головой, приходя в себя, и с трудом сфокусировал на мне мутный, явно нетрезвый взгляд.

— Соседушка что ли? — щербато улыбнулся, ощупывая меня осоловелыми глазами, — Ох, и как тебя такую занесло сюда? — причмокнул, уставившись куда-то мне в живот, а затем снова посмотрел в лицо, — Ну будем знакомы. Петр Елисеич. Но можно и просто... Дядя Петя, — совсем уж сладенько как-то сказал и протянул черную то ли от машинного масла, то ли просто от грязи руку.

Вежливо улыбнулась, не пожимая, и бочком-бочком стала обходить его.

— А я Ульяна, очень приятно. Вы извините, я пойду.

Торопливо засеменила по протоптанной дорожке к дому, чувствуя, что Петя этот поворачивает за мной.

— Да погоди ж ты! Куда, Ульяна?! — с досадой, — Давай познакомимся то хоть по-людски!

— Поздно уже, дядь Петь, потом, — залетела к себе на крыльцо.

— Может тебе это... Воды натаскать?!

— Спасибо, не надо, спокойной ночи, — захлопнула за собой дверь.

Провернула защелку и спиной прислонилась к дверному полотну, пытаюсь отдышаться. Может и глупо, но... Напугал! Еще и пьяный... И взгляд такой... Что помыться охота, только как тут помоешься? Воды и правда нет.

Устало оттолкнулась от двери, сбросила шлепки и пошла сразу в дальнюю комнату, служившую спальней.

Утро вечера мудренее... Может зря я реагирую так! Может завтра на все посмотрю с другой стороны. И даже "дядя Петя" этот покажется чуть ли не принцем в дневном свете. Может быть... Так что надо просто лечь спать.

Разбудил меня настойчивый стук в дверь. Думала, что проснусь с петухами, но какой там, когда соседи ругались за стенкой всю ночь. Сначала тихо, вдвоем, потом, разбуженные родителями, заплакали дети. Потом уже родители орали на них, так успокаивая. Кажется, что-то даже полетело там у них в стену... Тяжелое. Но дети не орал истошно, значит их не били. По крайней мере, я очень надеялась на это, с темной тревогой вслушиваясь в то, что происходит у соседей. Угломонились все во втором часу. И меня тоже сразу вырубил. Тяжелым, без картинок сном. Таким, что будильник на телефоне сбросила, а встать в итоге не смогла, заснула опять.

А сейчас, еле продрав глаза и накинув халатик, который повесила на спинку стула у кровати, я побежала открывать Ивану Ильичу.

— Простите, проспала! Пять минут! — сходу затараторила, как только распахнула дверь.

Яковлев только добродушно ухмыльнулся.

— Не торопитесь, Ульяна Максимовна, в машине жду, — кивнул на белый УАЗ Патриот, припаркованный у покосившегося забора.

Но я конечно заторопилась. За пять минут умылась, плеская на лицо воду из рукомойника, наскоро почистила зубы, собрала волосы в небрежный хвост, надела первый попавшийся сарафан и, подхватив сумку, не покрашенная выскочила обратно на улицу.

Солнце уже заметно припекало, оставляя душные ожоги на лице. Жужжала мошкара, пахло лесом и цветущими дикими цветами — нагретый такой, густой аромат как в парилке. Одежда почти сразу начала липнуть к коже, а я ведь только до машины дошла.

Пока ехали, с любопытством озиралась по сторонам, спрашивая о деревне Ивана Ильича.

При дневном свете Шовня и правда казалась совсем другой. Хотя и неказистой, но... уютной что ли. Словно декорация старого фильма, затерявшаяся в дремучем лесу. Центральная улица была всего одна, от нее ручейками петляли узкие, пыльные улочки. Людей, как и машин, по дороге по-

что не попадалось, разве что редкие стайки чумазой детворы. А взрослые — только если женщины в огородах за не глухими заборами. Машине главы махали все без исключения словно мы гусары, прибывшие в уездный городок.

Когда поднимались на пригорки, по левую руку можно было разглядеть серебристую ленту речки Дикой — главную артерию жизни здесь, как рассказал Иван Ильич. По ней сплавляли древесину, да и сами передвигались. Путь гораздо более удобный и безопасный, чем лесные дороги, которые в некоторые места и вовсе не доходили. Только река.

— А вот хозяйственный наш, — показывал мне Иван Ильич, — Там и симку купить сможете, чтобы связь была... Тут продуктовый. А там, за поворотом школа и сразу сад при ней. Вам пока не надо, но мало ли, — хитро улыбнулся.

— Сплюньте, Иван Ильич, — нервно засмеялась в ответ.

— Эх, зря. У нас парней много хороших, приглядитесь! Все работающие, тайга лентяев не держит. Так бы и остались, а то уедете в город же, жалко... — вздохнул.

Промолчала на это, отвернувшись к окну. Думаю, мое мнение по этому поводу было столь очевидно, что его было совершенно не обязательно озвучивать.

Нет уж! Тут бы два года продержаться, не то что целую жизнь! Еще и по собственной воле. Не представляю, что там должен быть за "хороший парень", чтобы я на такое подписалась.

Медпункт оказался крохотным, неприметным домиком у самой реки, по виду не сильно отличающимся от моего несчастного барака, разве что меньше раза в три. Скрипучее крыльцо, прибитая красная доска с выцветшими золотыми буквами, ржавая велосипедная парковка...

Внутри пахло деревом и сыростью. Было темно, тесно и прохладно, словно где-то работал кондиционер, хотя конечно это здание никогда и не слышало о подобных чудесах техники. Предбанник, узкий коридорчик с лавками, ведущий в три комнатки — процедурную, кладовую и саму приемную. На стенах просветительские плакаты, даже регистратуры нет...

На лавке сидело две женщины, одна с ребёнком. Табличка у входа гласила, что прием тут ведется с десяти до трех. И время работы как раз подходило.

8. Первый пациент

— Агафья Мироновна, знакомьтесь! Ульяна Максимовна Елецкая, наш теперешний терапевт! — с порога торжественно провозгласил Иван Ильич, подталкивая меня в приемный кабинет.

— Здравствуйте, — я кивнула полной женщине неопределенного возраста. На глаз от сорока до шестидесяти.

Быстрым взглядом окинула комнату. Узкая, длинная. В трехстворчатое окно стучались лапами ели, крадя дневное освещение, но и даря своей тенью прохладу. За ними было видно пирс и изгиб беспокойной реки. Сдвоенный стол с парой простеньких компьютерных мониторов. По бокам открытые стеллажи с папками, медицинская кушетка, напольные весы, плакат о профилактике туберкулеза, календарь... Вот пожалуй и все.

Сосредоточилась на Агафье Мироновне. Та смотрела на меня в ответ с нескрываемым интересом. И как-то по-доброму, чуть ли не по-матерински. С умилением. Интересное у нее было лицо. Круглое, смуглое, обветренное, с выраженными яблоками щек и чуть раскосыми глазами, намекающими на примесь в роду азиатской крови. Вокруг глаз лучики морщинок, хотя в остальном кожа ровная, будто натянутая на барабан, сухая на вид и то ли с веснушками, то ли с мелкими родимыми пятнами. В ушах тяжелые серебряные серь-

ги с камнями, на голове цветастая косынка. Медицинский халат кипельно белый, а из-под него выглядывала аляпистая цыганская юбка в пол. В темной тяжелой косе поблескивали седые нити, руки загрубевшие, с мозолями и вьевшейся землей на подушечках коротких пальцев. На медика эта женщина в белом халате и расписном платке была похожа меньше всего. И я почему-то думала, что она старше.

Видимо, имя Агафья и то, что глава назвал ее знахаркой, сыграло со мной злую шутку, и я представила себе совсем уж старушку.

— Здравствуйте, Ульяна Максимовна. Очень рада вам, заждалась,— низким, певучим голосом произнесла Агафья, — Год уж почти сиротеем без врача. А всех подряд в райцентр не наотправляешься, — вздохнула.

— Я понимаю, — я кивнула, ставя сумку на стул и доставая из нее аккуратно сложенный накануне халат, — Не представляю как вы тут совсем одна...

— Девушки, я пошел, мне тоже работать пора. Удачного дня, — заторопился на выход Иван Ильич.

— До свидания, — нестройно отозвались мы с Агафьей Мироновной.

За главой захлопнулась дверь. Но я успела лишь сесть за рабочий стол и включить свой компьютер, как она распахнулась снова.

Только после этого раздался нетерпеливый стук. Абсолютно бессмысленный, ведь в кабинете уже материализовал-

ся маленький, переминающийся с ноги на ногу пацаненок.

— Агафья Мироновна, доктор, можно?! — следом уверенно протиснулась его мать.

Переглянулись. Агафья пожала плечами, мол вам, Ульяна Максимовна, решать...

Я поджала губы, постучав ручкой по столу. По-хорошему выставить бы их и хоть программу успеть загрузить да спросить хоть что-то, но... Слишком уж мальчишка был квелый на вид. Бледный весь, а щёки в горячечном румянце...

Внутри тревожно стянуло волнением, отчего ладони миглом стали влажными — мой первый пациент! Еще и ребенок...! А я не педиатр, я и терапевт то пока только в теории. Как вдруг переживательно это все. Но показывать нельзя.

— Проходите, — кивнула матери и ласково улыбнулась мальчику, — Как звать? Сколько лет? На что жалуешься?

Пацанёнок замялся и выдал хриплым писком ответ только на один вопрос.

— Мне тли.

— Ох, какой большой, — восхищенно протянула я, а затем перевела взгляд на его маму, — Здравствуйте, я Ульяна Максимовна, ваш новый терапевт, что случилось?

— Здравствуйте, Ульяна Максимовна. Да вот, уж третья неделя пошла как болеет, — всплеснула руками женщина, подталкивая ко мне ребенка, — Сначала в ту субботу вырвало, жар, понос. Но мы жаропонижающее подавали, вроде сбили, так кашлять начал. Сильно так. Мы к Агафье, —

кивнула на моего фельдшера, — Она нам ингаляции с препаратом каким-то прописала и травки еще с мёдом. Препарат то я не купила, он и на травках хорошо отхаркивать стал. А сейчас опять ночью как зайдет, как зайдет, и нос еле дышит! Вялый весь, не ест, температура снова поднимается. Не большая, но...

— Так, давайте слушать, поднимите футболку, — предложила я, лихорадочно обдумывая полученную информацию.

Легкие были чистые. Тоны сердца тоже...Третья неделя уже пошла...

— А что за препараты вы рекомендовали, Агафья Мироновна?

Та назвала, я кивнула. Посмотрела горло. Красное, но уже не критично. А вот аденоиды... И прямо по задней стенке слизь... Осмотрела кожный покров, отметила отечность...Ясно. Фух... Выдохнула! Мы такое разбирали.

— Что ж вы не купили, что вам Агафья Мироновна сказала? — покачала головой, глядя на мать мальчика, — Все она правильно сказала. Надо было давать. Затянули...Аллергические реакции были у ребёнка?

— На шоколад и апельсины. Переест, так сразу попа в прыщах. А препараты... Так травки же, — развела руками женщина, — С медом...

— А вот мед как раз не надо было. Мед может быть сильным аллергеном, тем более для маленького, предрасположенного к этому ребенка. Аллергический ринит у вас на фо-

не ослабленного иммунитета. Я сейчас напишу рецепт. Все, что напишу, все обязательно купить! И никаких травок! Тем более с медом! Все красное, яркое, сладкое и с красителями из рациона пока исключить. Только самую простую еду, — достала из сумки одну из тетрадей с лекциями.

Да, я все с собой привезла. У меня такой профессор был! Все конспекты на вес золота. Лучше пока подсматривать, чем, что не вспомнив, навредить. Перелистнув страницы, нашла нужную. Выписала на листочек схему под изумленный, недоверчивый взгляд матери ребенка.

— Вы что ж это? Учитесь еще? — прошептала та побледневшими губами, увидев мою тетрадку, — Агафья Мионовна, может лучше вы?! — перевела испуганный взгляд на моего фельдшера, — Мой Славик чай не подопытный...

— Все вам Ульяна Максимовна правильно сказала, — успокаивающе отозвалась Агафья Мионовна.

— Христом Богом прошу, — всхлипнула женщина, молитвенно сложив на руки перед грудью, — Славочка, иди здесь покажись, — подтолкнула к ней ребенка.

Агафья Мионовна шумно вздохнула, покосившись на меня и погладив мальчишку по голове.

— Ладно, я тоже напишу, — кивнула.

И правда стала писать.

Я покраснела как помидор. Это что? Мы тут... Соревнуемся?!

Руки задрожали в нервном треморе. Агафья улыбнулась

мне и сунула женщине свернутую записочку. Та, чуть не до земли поклонившись, приняла. Я тоже... сунула!

— Надо сдать кровь, — отчеканила, борясь с раздраженной дрожью в голосе.

— Анализы у нас по вторникам и по пятницам, с семи до восьми, — охотно подсказала Агафья Мироновна, — В восемь моторка из райцентра забирает.

— Моторка? — переспросила я.

— Да, вот прямо к этой пристани подплывает, — махнула в окно, — Так и надежней, и быстрее.

— Ясно. Все, что написала, делать. Ничего другого не делать! Только аллергическую реакцию усилите! Это понятно?! — твердо, насколько могла, посмотрела женщине в глаза, — В пятницу на кровь. И зайдете покажитесь еще.

— Хорошо, спасибо. До свидания. Славик, пойдём, — дернув сына за руку, мамаша быстро ретировалась из кабинета.

Хлопнула дверь, но сразу приоткрылась вновь и в кабинет заглянула голова следующего пациента.

— Ждите, — тихо рявкнула я, переводя тяжелый взгляд на сидевшую напротив Агафью Мироновна. Та блаженно, понимающе улыбалась.

Будто издевалась, честное слово!

Нет уж! Я, может, еще и желторотая, но я врач!

— Извините...

Дверь захлопнулась, оставляя нас наедине.

Сделала вдох- выдох, призывая себя к хладнокровию. Ругаться не хотелось. Уж точно не в первый же час общения. Но вот расставить точки над "і" хотелось до невозможности.

— Что вы ей написали, Агафья Мироновна? — спросила как могла ровно.

— Шепоток и молитву, — с готовностью отозвалась фельдшер.

Я подвисла. Чего?! Хлопнула глазами пару раз.

— Что, простите? Шепоток? — просипела вслух.

— Да, заговор, — абсолютно спокойно подтвердила Агафья Мироновна.

Я помолчала еще с секунду.

— Вы действительно верите, что это помогает? — аккуратно поинтересовалась, проверяя свою новоиспеченную коллегу на вменяемость.

— А почему же нет? — пожала плечами та, — Человеку вообще надо верить. Особенно в нашей глуши.

— И вот все вместе прямо написали? И шепоток, и молитву? Одно другому разве не противоречит? — не удержалась я от иронии.

На что Агафья Мироновна бархатно так, по-доброму рассмеелась.

— А так душе спокойней, Ульяна Максимовна, когда со всеми сразу договоришься. На всякий пожарный, — и хитро мне подмигнула.

Я сначала обомлела окончательно, а затем... Затем просто

не могла не улыбнуться в ответ. Ах, вот оно что...! Ой, оказывается, лиса...! Я тут, значит, за тело борюсь, а она замахнулась на душу.

— Что ж, эффект плацебо никто не отменял, — заметила вслух примирительно, давая понять, что конфликт исчерпан.

— И я о том, Ульяна Максимовна! Следующий!

9. Какая-какая?!

Пациенты потянулись бесконечной вереницей — вздохнуть некогда, не то, что чай пойти попить или в уборную сбежать.

Шли со всем — от шпор в пятках до ноющих зубов. Я от такого разнообразия, признаться, по неопытности терялась. И с каждым новым пришедшим все больше понимала, как мне с Агафьей Мироновной на самом деле повезло.

Она была как рыба в воде в этом хаосе, но при этом меня не топила. Не перебивала, смотрела показательно уважительно, всем видом демонстрируя местным кто тут главный. Но, стоило на нее вопросительный взгляд поднять, как Агафья тут же аккуратно подсказывала. Где какие анализы сдаются, как и к кому направление в райцентр дать. Если спрашивали что-то лично у нее, Агафья не отказывала и убористым почерком выводила на записочках свои мудреные шепотки или советовала травяные сборы. Против ее народных рецептов я ничего не имела, тем более, что у меня возникло ощущение, что она действительно в этом много понимает. Стало даже интересно порасспрашивать у нее в свободное время поподробнее какая местная трава от чего. Могло и пригодиться.

Хотя прием официально у нас был до трех, закончили мы почти в четыре. А дальше еще надо было сходить на пару

вызовов. И именно сходить! Машину нам не выделили, а велосипедом я по понятным причинам еще не обзавелась. На вопрос а как же зимой - тоже что ли на велосипеде, Агафья Мироновна выдала, что у медпункта "Буран" есть. И надо бы мне кстати, пока лето, на него права получить, если у меня нет, и что это можно в райцентре сделать.

Я нервно сглотнула, хлопая глазами. "Буран"... Это что ли снегоход? Мамочки...

Представила на секунду, как зимой пробираюсь к пациенту через тайгу в соседнюю деревню на снегоходе! Сюр какой-то, честное слово! В очередной раз с тоской подумала куда я вписалась!

— Вы, Ульяна Максимовна, же только вчера вечером приехали? Наверно в магазины то еще и заскочить не успели? — вклинилась в мои пугающие фантазии о зиме и снегоходах Агафья Мироновна.

— Да, еще не успела, — кивнула я.

— Ну так идите сейчас. Я сама по домам схожу, а то у нас что хозяйственный, что продуктовый до пяти, а время то уже, — предложила моя фельдшер, — Знаете где? Сейчас на Советскую выйдете и вниз...

— Да-да, мне Иван Ильич, пока вез, все показал. Спасибо! — я торопливо засобиравалась, взглянув на часы. Уже начало пятого! — Спасибо вам огромное, Агафья Мироновна.

— Да не за что, — улыбнулась та.

— Может, завтра придем чуть пораньше? На полчаса.

Я в программе пока не до конца разобралась. Очень бы хотелось, чтобы вы мне все показали, — попросила я, вешая халат на спинку своего стула.

— Конечно, Ульяна Максимовна, сама хотела предложить.

— Ну и хорошо. Еще раз спасибо! До свидания!

Попрощавшись, поспешила из медпункта на улицу. Мы на машине ехали минут пять- не меньше от магазинов к медпункту, и я теперь прикидывала сколько же времени это займет пешком. Очень не хотелось, свалив свои обязанности на Агафью Мироновну, в итоге поцеловать закрытые двери и уйти ни с чем.

Выбежала из медпункта и задохнулась. Горячая волна прогретого воздуха залилась прямо в легкие, мешая дышать. Будто в парилку зашла! Сидя в нашем темном, прохладном кабинетике, я и не подозревала, что на улице стоит такая духота.

Щурясь от солнца, поспешила к главной улице — Советской.

Вокруг лениво жужжали разморенные мухи, чуть не врезаясь в меня. Запах плавящейся хвои делал воздух настоящим до дурноты, сандалии вмиг запылились на проселочной дороге. Свернула на главную, повыше перевязывая липнущие к шее волосы. По спине уже бежала прохладная липкая капелька пота, голову нещадно пекло — жаль, что никакую косынку не взяла. В следующий раз буду знать, что днем тут

бывает так.

Я думала, что к жаре привычная, я ведь из-под Астрахани и сорока градусами меня не напугать. Но тут была какая-то особая, невыносимая жара. Влажная, смоляная. Будто не по улице идешь, а пытаешься плыть в горячей, густой воде.

И прохожих почти никого, домики бесконечные... где же магазины эти? Мне все вокруг было незнакомо... Иногда, за домами мелькало манящее серебро реки. Как же тянуло броситься искупаться прямо сейчас. Решила для себя, что вечером обязательно пойду. Надо будет только спросить у соседки где тут подходящий спуск, есть же наверняка. Заодно и познакомлюсь с ней. Нельзя же через стенку жить и вообще не знаясь. Придется... Какие бы они не были.

До магазинов дошла минут через пятнадцать. Благо, они стояли рядышком, один к одному.

Сначала забежала в продуктовый — надо было срочно забить холодильник. У меня, кроме пряников и чая, вообще ведь не было ничего. Пот уже катился градом, на еду и смотреть не хотелось, потому купила на автомате то, что вроде бы просто обязано дома быть. Сыр, яйца, крупы, овощи, яблоки, молоко, курицу.... И все равно вышло два огромных пакета, оттягивающих руки до самой земли. Мда...

Теперь это еще и тащить!

Надо было что-то срочно решать с транспортом — я так долго не смогу. Поблагодарив продавщицу, сухонькую беззубую женщину лет пятидесяти, отправилась в хозяйствен-

ный, покачиваясь от тяжести в руках.

Зайдя, невольно улыбнулась, вспомнив, как Иван Ильич называл местных продавщиц девушками. В продуктовом "колоритность" девушки я уже отметила. Тут тоже... "Молодая была уже не молода". Объемная, высоченная женщина предпенсионного возраста, с богатырскими плечами и мелкой химической завивкой волос, выкрашенных в термоядерный бордовый. Макияж соответствующий — любительский индейский, и от жары слегка стекающий по ее широкому лицу.

Пару раз моргнув и привыкнув к столь впечатляющему образу, я подошла к прилавку и сгрузила на дощатый пол тяжелые пакеты.

— Здравствуйте, мне сказали у вас все можно заказать? У меня список большой, — дружелюбно улыбнулась.

Продавщица смерила меня изучающим взглядом.

— Врачиха наша новая что ли? — пробасила, подбоченясь.

— Кхм...Врач, если можно. Не люблю все эти феминитивы...

— Чего?! — захлопала на меня дама приклеенными ресницами, создавая хоть какой-то прохладный ветерок.

Мысленно махнула на нее рукой. А, неважно...

— Да, это я. Приятно познакомиться, Ульяна Максимовна. Вы мне поможете?

— И мне приятно, Марина, — хмыкнула женщина, смот-

ря на меня как-то снисходительно. А потом покачала головой и вовсе тихо пробормотала себе под нос, — Ой, радость то какая привалила нашим мужикам. Грузовик с пряниками.

— Чего? — оторопело переспросила теперь уже я.

— Ничего. Забор обоссут, говорю, местные кавалеры наши, — засмеялась на это продавщица, вгоняя меня в удушьящий румянец, — Ну, — благодушно, — Давайте свой список, Ульяна Максимовна. Чем смогу -помогу.

Заказав кучу вещей от сидушки на унитаз до велосипеда с корзиной и закупившись чистящими средствами и туалетной бумагой, через минут десять я вышла на улицу уже не с двумя пакетами, а с целыми четырьмя.

Встала посреди пыльной улицы, с тоской смотря на ближайший пригорок, на который предстояло вскарабкаться.

И сколько их еще таких будет по пути домой...!

На машине мы ехали минут шесть, а значит с моими баулами тащиться мне по жаре еще минут двадцать. И зачем я сразу столько набрала?

Ладно, поздно уж причитать. Сдунув влажную прядь со лба, я сжала покрепче режущие ручки в потных ладонях и побрела по дороге. Плечи моментально заныли, горбясь, ноги тяжело переставлялись из-за липнущего к ним сарафана. Чувствовала, как покраснелась до невозможности, шумно дыша и упорно преодолевая шаг за шагом.

Шорох приближающейся сзади машины не вызвал во мне ничего кроме раздражения из-за того, что надо сместиться

на заросшую сорняком обочину — тротуаров здесь отродясь не водилось.

Уступила дорогу, сосредоточенно плетясь дальше. И чуть разом все пакеты не выронила — так высоко подпрыгнула, когда огромный пикап с переделанными вездеходными колесами резко затормозил около меня, оглушая клаксоном.

Обернувшись, хотела было схватиться за больно заколотившееся сердце, но только неловко взмахнула тяжеленными пакетами и тут же опустила уставшие руки. Из открытого окна машины мне снисходительно улыбался Артур.

Одна его рука расслабленно свисала на улицу, вторая была на руле. Черный взгляд сверлил меня насквозь открыто и без капли стеснения. Сначала очертил раскрасневшееся лицо, потом сполз ниже по тяжело вздымающейся груди, облепленной пропитавшимся потом сарафоном, и наконец выразительно тормознулся на куче набитых пакетов.

— Добрый день, Ульяна... Максимовна, — медленно протянул.

И все это под свист нескольких мужиков, сидевших сзади в открытом кузове пикапа.

— О, Адамыч, в это докторша что ли наша? — оживленно захохотали они.

Кивнув Артуру, покосилась на его спутников, ежась от лапающих взглядов. Господи, вот точно, что из лесу вышли...! Чумазые, в выцветших рваных футболках, мощные, бородастые, кто в кепке, кто с татуировками. Лица обветренные, су-

ровые, грубые, как братья... На подбор. Еще и заговорили неровным хором.

— Здрасьте - здрастьте... !

— Ох, красавица какая! Ульяна Максимовна, у меня что-то сердце прихватило, не посмотрите?!

— Главное, чтобы что пониже не прихватило, Михалыч!

— Ахах!

— А что? И там покажу, мне стесняться нечего!

— Заткнитесь вы, — рыкнул на них Артур, но таким тоном, будто наоборот поощрял всеобщее веселье.

— Как же тут заткнуться, Артур Адамыч?! — хмыкнул в ответ какой-то совсем седой, полноватый мужик, — Мы ж от неожиданности, что все, как ты и сказал. Что "ух, какая ебабельная"!

Что, простите?! Выронила все-таки один пакет из дрогнувшей руки.

Какая- какая? Как сказал? Вот так прямо и сказал?!

Лицо ошпарило гневом похлеще липкой жары. Перевела возмущенный взгляд на Артура, а он... Он только бровь почесал большим пальцем, пожал плечами и криво ухмыльнувшись. Даже отрицать не стал!

Козел...! Сам он... Подходящее прилагательное от злости даже не придумывалось...!

Сжав губы, подхватила упавший пакет, развернулась на пятках и молча продолжила идти к дому.

— Ульяна Максимовна, ну что вы! Давайте подвезу, —

крикнул мне в спину...этот!

— Спасибо, обойдусь, — прорычала, таща пакеты с из последних сил ровной спиной.

По шороху шин поняла, что пикап покатыл за мной.

— Тяжело же, — нахмурился Артур, поравнявшись, — Не глупите, садитесь. А то как про кондуктора.

— Какого еще кондуктора?

— Который "назло кондуктору возьму билет - пойду пешком", — раздраженно буркнул и, проехав на пару метров вперед, резко остановился и выпрыгнул из машины.

— Тихомир, давай назад пересаживайся, — бросил какому-то мужику, сидевшему с ним впереди, — Ульяна, отдайте пакеты.

10. Как удобней обижаться

Пф-ф-ф...! Так прямо и отдала!

Я вложила во взгляд все жгучее презрение, на которое в принципе была способна, и попыталась обойти этого мужлана по дуге. Маневр не самый простой, признаться, если ты нагружена как выючный мул. Пришлось даже в кусты придорожные ступить и шёпотом чертыхнуться из-за тут же жиганувшей по голым ногам крапивы.

Вот только толку от моих усилий было чуть! Артур легко и проворно одним движением переместился, снова перегородив мне дорогу.

— Ульяна..— мягко произнес низким бархатным голосом, словно успокаивал взбрыкнувшего ребенка.

Черные глаза из-под густых бровей обволакивающе блестя, цепко отслеживая каждое мое микродвижение и тем отвлекая от маневра рук. Всего какой-то миг, и Шахов уже рванул на себя эти несчастные пакеты. От неожиданности я их легко отпустила. Только застыла с приоткрытым ртом, чувствуя, как наползающий густой румянец сжигает кожу на шее и лице.

— Отдайте, что за ребячество, — пробормотала, потянувшись за своей отобранной ношей.

Артур отступил на шаг, криво улыбнувшись. Будто с издевкой! Я вспыхнула еще жарче. Я теперь бегать за ним

должна?!

В памяти всплыли выцветшие картинки из детства, как старшие братья перекидывали между собой мою любимую куклу, пользуясь тем, что я слабее и ниже, и ничего толком противопоставить им не могу. От ассоциаций и смутного чувства беспомощности в носу неприятно защекотало и злая влага подступила к глазам.

— Отдайте, это не смешно, — поджала губы, чтобы они не задрожали.

— Ульяна Максимовна, не бойтесь вы, я помочь хочу. Не глупите и садитесь в машину, — твердо и спокойно выдал Шахов, глянув на мужиков в пикапе, наблюдающих за нами с нескрываемым интересом.

Тоже на них покосилась. Парочка мне широко улыбнулась, еще двое и вовсе подмигнули... Боже, дурдом!

— Я не боюсь, — резко повернулась обратно к Артуру, — Просто после ваших "рекомендаций" не хочу произвести неправильное впечатление. А теперь отдайте пакеты.

Но вместо того, чтобы исполнить то, о чем его попросили, Шахов сделал ко мне широкий шаг, мгновенно сожрав все разделяющее нас расстояние.

Оказался так близко, что его серая футболка чуть не коснулась моего сарафана в районе груди. Голову пришлось резко задрать вверх, чтобы удержать зрительный контакт. И сделанный произвольно вдох заполнил лёгкие уже знакомым хвойно-смоляным, с нотками табака запахом этого мужчи-

ны.

— Ульяна... Максимовна,— чуть нагнувшись, хрипло зашептал Артур мне куда-то в висок, влажно нагревая в том месте кожу, — Хотели бы вам что-то сделать - это произошло бы вне зависимости от того, надорветесь вы со своими несчастными пакетами или нет. И не из-за каких-то там "впечатлений". И уж тем более не посреди бела дня на глазах у всей деревни. Вы лучше ночью запирайтесь получше и говорите, что, если что, мне пожаловаться можете, а не только Ивану Ильичу, которым здесь и дворнягу не испугать. Понятно? — чуть склонил голову набок, пристально смотря мне в глаза.

Я... оторопела, утопая в этом зрительном контакте и мысленно лихорадочно собирая в словах Шахова все намеки, что он бросил в меня словно стеклянную крошку.

Совсем рядом в пикапе громко и похабно переговаривались мужики, окрашивая сказанное особым, давящим смыслом.

— Эх, Адамыч, занял уже что ли? Быстро!— посмеивались.

— Да что-то пока не взаимно, видать. А значит и у нас шансы есть, — хохотнул другой.

—... Подольше здесь поживете, там уж сами разберетесь с кем, как и что... — одними губами добавил Артур, чтобы больше не слышал никто.

Снова покосилась на мужиков, продолжающих обмазы-

вать меня липкими взглядами, от которых непроизвольно хотелось спрятаться. Да пусть хотя бы и за Шаховым, черт уж с ним.

Обида на то, как и в каких словах Артур обсуждал меня со своими приятелями, конечно, не прошла. Она горчила на языке и ложилась меж бровей вертикальной морщинкой. Вот только... Если подумать, то, сидя в машине, обижаться гораздо удобней, чем плетясь по пригорку с тяжеленными пакетами в руках — это во-первых. Во-вторых, глядя на “одухотворенные” лица мужиков в кузове пикапа, я догадывалась, что, по сравнению с их эпитетами, слова Шахова покажутся мне детским лепетом.

Так что ж мне теперь? На них тоже обижаться? Так и работать будет некогда...

В конце концов, это все просто слова людей, которые по-другому, скорее всего, и не умеют. Жизнь у них тяжелая, грубая, вот и сами они от нее загрубели. Да и не для моих это было ушей... А для их. На понятном им языке.

— Ладно, поехали. Спасибо, — в итоге я медленно согласилась, мысленно махнув на все рукой.

Артур кивнул и, развернувшись, пошел к машине. Кинул мои пакеты в кузов пикапа, обошел морду автомобиля и галантно открыл для меня переднюю пассажирскую дверь.

11. Соседка

Пикап на вездеходных колесах был слишком высокий, чтобы у меня получилось забраться в него гордо, грациозно и независимо. Вместо всего перечисленного я неуклюже заползла внутрь душного, нагретого как духовка салона, чуть не получив вспомогательный шлепок по попе от чертового Артура Адамовича.

Шумно выдохнув, села наконец, торопливо поправляя задравшийся подол сарафана.

— Устроились? — черные глаза Шахова снисходительно и весело блестели, когда он с силой захлопывал за мной дверь.

— Да, благодарю, — поджала губы, наблюдая, как Артур огибает капот, чтобы занять водительское сидение.

В машине было пекло похлеще, чем на улице, и даже опущенные до предела стекла не спасали. Накалившийся металл будто готов был потечь в любую секунду, пахло грязной рабочей одеждой и протертыми, засаленными сидениями. Торпеда пыльная, со следами пальцев, у рычага передач валялись какие-то пластиковые пропуска и связки ключей, кармашек двери с моей стороны был забит тряпками, испачканными в машинном масле. Я непроизвольно сравнила этот пикап с внедорожником, на котором Шахов меня встретил, и подумала, что эта машина скорее всего служебная, а не его личная. Слишком автомобили были по энергетике разные и

здесь не чувствовалось... Самого Артура. Разве, что из хрипящих динамиков печально и надрывно пела Арбенина про то, как же ей катастрофически кого-то не хватает.

Не знаю, почему я так остро ощущала, что это машина не Шахова, ведь я знала этого человека меньше суток — но вот вдруг уже так легко интуитивно считывала его личные метки в окружающем пространстве.

Артур легко запрыгнул в салон, хлопнула водительская дверь, и пикап тут же, тяжело дернувшись, покатил по пыльной дороге. За спиной, в открытом кузове, мужики переключились с обсуждения меня на какие-то новые пилы. Их хриплые, громкие голоса заполняли салон через распахнутые окна. Артур же молчал, смотря на дорогу и то и дело едва заметно скашивая на меня тягучий взгляд.

Сложила руки на коленях как школьница, отвернулась к окну, слепо смотря на похожие как близнецы деревянные домики вдоль дороги. Молчание, как и вчера, давило бетонной плитой и ставило дыбом волосы на предплечьях, но потерплю — ехать -то от силы пять минут...

Вообще странное меня чувство сковывало рядом с этим человеком. Никогда ничего подобного не ощущала и уж тем более не находила ему причин. Мужчина как мужчина, а я...

Не робела, нет. Но вся внутренне подбиралась словно перед прыжком. И под ложечкой тянуще сосало. Будто я стояла на цыпочках с тарзанкой у самого обрыва. Да, это было самое похожее...! Вот еще чуть-чуть, и потащит невидимая сила,

перехватит дыхание, отберет возможность хоть что-то изменить. А затем мгновение невесомости, стремительное падение и сомкнувшаяся толща темной воды над головой.

— Сложно вам будет все время пешком, Ульяна... Максимовна, — вдруг разрушил тишину между нами Артур, снова делая паузу после моего имени. Будто ждал разрешения забыть отчество.

— Я заказала велосипед, — быстро повернула к нему голову и снова отвернулась к окну.

— Велосипед... Ясно, — с усмешкой, — А прав нет?

— Нет, прав нет. Впрочем, как и машины.

— А зимой как же? Зимой тоже на велосипеде?

— А зимой мне снегоход выдадут, на него права получу, — ответила резче, чем хотелось бы.

Просто его снисходительный тон меня задевал, хотя в самих словах вроде бы и не было ничего такого.

— Что ж... Приехали, — а Артур уже сворачивал к моему дому, который я пока больше по покосившемуся забору узнавала, чем по самому строению, мало чем отличающемуся от остальных.

— Как соседи? — поинтересовался Шахов, зацепив взглядом женщину во дворе, развешивающую белье.

Я тоже на нее посмотрела. Это наверно и была жена "дяди Пети" — Дарья. Неопределенного возраста, сухая, с уставшим, серым лицом, хранящем очевидные следы алкогольной зависимости, в цветастом "бабушкином" халате и блеклой

косынке, из-под которой выбивались мышинные, с сединой пряди. Беременная, может месяце на шестом. У подола крутилось двое тощих чумазных мальчишек в одних трусах — подавали матери белье из большого тазика. Дарья же повернулась к нам и хмуро уставилась на выезжающую машину.

Я кивнула ей, смотря через лобовое. Но она почему-то только нахмурилась еще больше.

— Что, не поладили? — спросил Шахов, тормозя.

— Еще не познакомились, — рассеянно отозвалась я, открыв дверь и спрыгивая из пикапа на землю.

Соседка пытливо отследила каждое мое движение. Поджав губы, внимательно прошла по моей фигуре и остановилась на лице. Выражение ее собственного лица при этом вряд ли можно было назвать дружелюбным. Впрочем, в подруги я записываться и не собиралась. Мне бы жить спокойно и все...

— Здравствуйте, — сказала было ей первая, но мое приветствие потонуло в голосах мужиков, сидевших в кузове пикапа.

— Дашка, здорова! А дома Петро?!

— Спит он, Тихомир! — отозвалась она, поддерживая руками поясницу.

— А ты разбуди! Дело есть...

— Знаю я ваши дела, — сощурилась женщина, — Неделю потом дома не появится! А я тут всё одна! Езжайте ужо!

— А тебе что шабашка лишняя? Всё копеечка, — не от-

ставали мужики.

— Так с вами свяжешься, донесёшь что ли ту копеечку? С вами и пропъет, — отрезала Дарья и в голосе мелькнула заметная обида.

— Даш, зови, я половину денег тебе в руки отдам. Или скажешь, что детям и в дом надо купить, куплю, — вмешался Артур, доставая из кузова мои пакеты.

Соседка склонила голову, посмотрев на Шахова, пожевала задумчиво губу и кивнула.

— Нет уж, лучше все деньгами. Колька, буди отца, — ткнула в спину одного из пацанят, и тот стремглав понесся к дому.

Я же пошла к ней, за мной шел Артур с моим пакетами, которые, похоже, и не собирался мне вручать. Поравнявшись с Дарьей, я улыбнулась еще раз и повторила.

— Здравствуйте, я Ульяна, соседка ваша новая.

Женщина молчала и почему-то смотрела на мои губы, а не в глаза. Брови собрались на переносице. Затем она и вовсе отвела взгляд, проводив им Артура, который нес пакеты к моему крыльцу.

— Петька сказал уже.... — буркнула. И тише, — ...что прикатила фифа городская. Но, смотрю, освоилась быстро, да? — мотнула подбородком в сторону Шахова.

Я перестала улыбаться. Просто стояла и молчала, не зная, как лучше отреагировать. Посыл был ясен, но в ответ посылать не хотелось... пока. Как и оправдываться за то, что при-

няла чью-то помощь. Дарья же, не дождавшись ответной реакции, и вовсе подалась ко мне ближе и тихо не зашептала - зашипела.

— Слышь, деточка. Только попробуй к Петьке моему сунуться, все лохмы повыдираю, поняла? А то знаю я вас...Приехала тут... Вся такая...! Не успела порог переступить —уже у туалета чужого мужика айда караулить!

От абсурдности обвинения из меня вырвался нервный смешок. Перед глазами встал пьяный "дядя Петя", которым легко можно было пугать в ночи детей.

Я сдавленно хохотнула ещё раз, прикрыв рот рукой и смотря, как соседка от моего смеха натурально багровеет, по всей видимости, не понимая причин. Надо же... И правда, любовь зла...! Откашлялась, прочищая горло, и с трудом строила серьезную скорбную мину.

— Я вас слышала, Дарья, можете быть спокойны. Клянусь, даже не посмотрю, — выдала торжественно, отступая от нее на шаг, — А сейчас извините, продукты разобрать надо. Приятно было познакомиться. Я пойду.

12. В омут

Разобрав пакеты, я первым делом взялась за установку новой сим-карты.

Провозившись с минуту, невольно прикрыла ладонью рот, когда увидела заветные полосочки сети. Боже, чувство было такое, будто все это время я, наказанная, стояла в углу и тут мне наконец разрешили из этого несчастного угла выйти!

Уселась поудобней на своей узкой кровати, поджав под себя ноги, и набрала маму.

От каждого длинного гудка в динамике в горле все сильнее разбухал ком. Я пыталась его сглотнуть, чтобы ничем не выдать свое состояние, но, услышав мамино "Да?", вместо ответного "Привет" надрывно всхлипнула.

— Але, это кто? — голос мамы зазвенел беспокойством.

Рвано выдохнула, беря себя в руки. Вскочила с кровати и заходила по комнате. Как же хотелось пожаловаться! Выплеснуть все, что накопилось за эти сутки, но толку? Чем она мне поможет? Лишь заставлю родителей переживать. Да ведь и нет ничего страшного в том, где я очутилась на самом деле. Просто пока... все вокруг с непривычки давит.

— Мам, привет, это я, — зачастила в трубку наигранно веселым тоном, — Ты извини, что только сейчас звоню. Тут со связью не очень, но я уже разобралась. Запиши, это мой новый номер. Я написала заявление, чтобы и мой старый на

этого оператора перевели, но сказали, что это не сразу... Но скоро заработает!

— Улечка, Господи! Мы уж с отцом испереживались! — облегченно выдохнула мама, и я почти воочию увидела, как она в знакомом до боли жесте всплеснула одной рукой, — Ты как?!

— Говорю же, все хорошо. Добралась. Уже была на работе. Мне дом дали... — обвела глазами свои скромные "хоромы", — ... Неплохой. Сам глава поселения встречал.

— Ой, ты хоть фотки пришли!

— Конечно, — закусила губу и медленно осела обратно на кровать.

— Может видеосвязь включишь?

— Давай не сейчас...

— Ладно, дочь. Ну хоть еще что-нибудь расскажи!

— Да я то что? Пока и рассказывать нечего... Лучше ты скажи. Как у вас там с теплицами? Разрешилось? — перевела тему я.

Очень хотелось послушать ее голос и ничего не говорить самой. Прикрыть глаза и просто слушать, как родной тембр словно окутывает тебя пуховым одеялом, прогоняя все тревоги прочь. Внушая, что у тебя есть дом, где уютно, спокойно, понятно, вкусно пахнет и все пропитано любовью. Пусть он, этот дом, и за тысячи километров отсюда, но он есть!

И там тебе всегда рады, всегда ждут...

— Ой, там отец учудил, конечно... — мама охотно начала

рассказывать про теплицы.

А я легла на кровати, свернувшись калачиком, и, рассеянно улыбаясь, ее слушала. Больше не слова даже, а ласковый звук самого дорогого голоса.

Это было то, что нужно сейчас.

С мамой я проболтала минут двадцать, потом еще минут десять с отцом. Полчаса, за которые я снова почувствовала в себе опору.

Положила трубку с лёгкой, но светлой грустью. Внутри стало тихо-тихо словно водяная гладь. И так не хотелось это состояние расплескать, что даже двигаться я невольно стала плавно и медленно по своему новому дому.

Распахнула окна, впуская вечернюю прохладу и прогоняя настоявшуюся духоту. Включила музыкальный канал на телевизоре. Открыла холодильник и, после минутных неторопливых раздумий, достала оттуда яйца и сыр, чтобы состряпать простенькой ужин. Хотела поставить чайник, но поняла, что совсем не осталось воды.

Подхватив ведро, вышла на улицу. Колодец был у нас прямо во дворе — хоть с этим повезло. Пока крутила ворот, во двор забежали две девочки, одной лет девять, другой чуть поменьше. Худенькие, светленькие и с настолько похожими лицами, что сомнений не оставалось в том, что они сестры. Их волосы были мокрые, простые хлопковые платяица липли к телу, а у старшей было перекинуто банное полотенце

через плечо.

— Здравствуйте! — нестройным хором выдали девчонки при виде меня.

— Здравсьте, — я в ответ улыбнулась, — Вы тоже мои соседки?

— Да, — старшая притормозила и схватила за руку сестру, заставляя и ту остановиться, — Я Фая, а это Машка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.